

Радь Эльза Анисовна

МЕЖТЕКСТОВЫЙ ДИАЛОГ В ПОЭМЕ Н. С. ГУМИЛЕВА "БЛУДНЫЙ СЫН"

В статье предлагается анализ лирического произведения Н. С. Гумилева "Блудный сын", отражающего переосмысление автором содержательного потенциала известной евангельской притчи. В диалоге поэмы с текстом притчи трансформации подвергаются сюжет и отдельные образы. Событийность представлена открытым сознанием лирического героя, который является автобиографическим и автопсихологическим. "Текстуальный диалогизм" есть спор художника слова с предшествующей культурной традицией и актуализация новых смыслов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/3-1/40.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (33): в 2-х ч. Ч. I. С. 144-146. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне / РГО, Отд-ние этнографии, Сказочная комиссия. Л., 1929. 120 с.
2. Гермогенов-Эргис Г. У. Библиографический указатель. Покровск, 2008. 48 с.
3. Дмитриев П. Н. Георгий Устинович Гермогенов-Эргис (к 100-летию со дня рождения) // Фольклор и литература народов Сибири: традиции и новации. Якутск: Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2010. С. 13-15.
4. Дьяконова Ю. Н. Якутская сказка (Русско-якутские взаимосвязи). Ленинград: Наука, 1990. 184 с.
5. Илларионов В. В. Г. У. Эргис и современная якутская фольклористика // Фольклор и литература народов Сибири: традиции и новации. Якутск: Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2010. С. 3-13.
6. Илларионов В. В., Илларионова Т. В. Г. У. Эргис – фольклорист. Дьокуускай: Бичик, 2009. 88 с.
7. Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. Якутск: Бичик, 2008. 400 с.
8. Якутские народные сказки / сост. В. В. Илларионов, Ю. Н. Дьяконова, С. Д. Мухоплева и др. Новосибирск: Наука, 2008. Т. 27. Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. 462 с.
9. Якутские сказки. Якутск: Кн. изд-во, 1964. Т. 1. 309 с.; 1967. Т. 2. 284 с.

G. U. ERGIS AND ISSUES OF YAKUT FAIRY TALE PLOTS SYSTEMATIZATION

Pavlova Nadezhda Vasil'evna

*Institute of Researches in Humanities and Problems of Smaller Peoples
of the North of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
nadya.sanaaya@yandex.ru*

The article analyzes the scientific works of the first Yakut folklore scientist G. U. Ergis on Yakut fairy tale plots systematization. The significance of works and scientist's contribution to the Russian folklore studies are considered. In particular, G. U. Ergis specified the boundaries of the fairy tale genre, considered fairy tale existence in the Yakut everyday life, singled out the main groups of fairy tales, their images and content, and also gave the history of collecting fairy tales, their publication and translation in the Soviet and pre-Soviet period.

Key words and phrases: Yakut folklore studies; Yakut fairy tale; plot; plot type; systematized set of plots; magical and fiction fairy tale plot; plots of everyday fairy tales and amusing stories; plot types of fairy tales about animals.

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье предлагается анализ лирического произведения Н. С. Гумилева «Блудный сын», отражающего переосмысление автором содержательного потенциала известной евангельской притчи. В диалоге поэмы с текстом притчи трансформации подвергаются сюжет и отдельные образы. Событийность представлена открытым сознанием лирического героя, который является автобиографическим и автопсихологическим. «Текстуальный диалогизм» есть спор художника слова с предшествующей культурной традицией и актуализация новых смыслов.

Ключевые слова и фразы: межтекстовый диалог; авторское сознание; мотив; инвариант; актуальный сюжет.

Радь Эльза Анисовна, к. филол. н., доцент

*Башкирский государственный университет (филиал) в г. Стерлитамаке
elza_rad@mail.ru*

МЕЖТЕКСТОВЫЙ ДИАЛОГ В ПОЭМЕ Н. С. ГУМИЛЕВА «БЛУДНЫЙ СЫН»[©]

Н. С. Гумилев, «понимавший преемственность в первую очередь как конгениальный диалог с предшествующим наследием, считал себя вправе творчески это наследие переосмыслить» [6, с. 25]. Проецируя факты собственной биографии на сюжет евангельской притчи о блудном сыне, Н. Гумилев проводит своеобразный эксперимент, в котором сохраняет главные мерилы жизни любого человека – духовность и нравственность. Индивидуально-авторское сознание переосмысливает содержательный потенциал текста притчи с его первичной формой образного моделирования, создает новый текст с актуальным для себя и своего времени сюжетом, в котором в неизменном виде сохранились главный сюжетный ген – мотив «отцы – дети» и сопряженный с ним мотив «блудного сына». Появление в творчестве поэта этих мотивов обусловлено потребностями формирующего творческого метода, историческим и автобиографическим контекстами. Мотивы программируют и обуславливают сюжетное развитие, т.е. «обладают моделирующими качествами» [7, с. 149]. Автор, выступающий субъектом творчества, привносит «лично-творческое в парадигматически-каноническое» [2, с. 149] через механизм личностной памяти.

Поэма Гумилева «Блудный сын», написанная в 1911 г., отражает диалог с предшествующим наследием (при сохранении общей канвы евангельской притчи) и результат моделирования новой сюжетной модели известной ситуации взаимоотношений поколений, в которой акцентные расставлены на внутреннем монологе героя, подробностях его жизни вдали от дома. Лирический повествовательный текст Гумилева частично реализует первоначальную модель, а частично отклоняется от нее.

В поэме трансформации подвергся как сюжет, так и ключевые фабульные мотивы. Структурно значимыми для создателя становятся отдельные семантические единицы инварианта. Новая событийная модель включает в себе набор ее составляющих, отражающих как трансформацию архетипического сюжета, так и диссоциацию первоначального мотивного комплекса:

- меняется семантика мотива ухода из дома, цель ухода гумилевского героя – возвышенная («Позволь, да твое приумножу богатство, / Ты плачешь над грешным, а я негодную, / Мечом укреплю я свободу и братство, / Свиристых огнем научу поцелую» [4, с. 201]);

- грех блудного сына не несет в себе разрушительную силу;

- в структуре произведения отсутствует мотив покаяния (есть покаяние как намерение);

- образ старшего сына заменен на образ сестры, пир – на намерение свадьбы, в структуре произведения отмечается смысловой прирост, связанный с образом невесты;

- отец ожидает сына-победителя, а не сына-грешника.

Учитывая жанровую принадлежность произведения, являющегося поэтическим воплощением евангельской притчи, необходимо отметить, что сюжетность/событийность в поэме репрезентирована открытым сознанием лирического героя, сознанием субъекта речи, организующего произведение, местоименно оформленного, сознанием, отражающим неповторимый душевный опыт. Л. Я. Гинзбург, в свое время, отметила: «Лирическое событие – это не повествовательный эпизод, это некий неповторимый душевный опыт, в котором многие узнают себя» [3, с. 31]. В лирике сюжетом выступает изображение душевных процессов лирического героя и/или автора. Сюжетность как художественная реальность – в сознании автора. Поток сознания отражает различные временные отрезки, зафиксированные в памяти, оценивает события прошлого и настоящего, пытается предсказать будущее. «Раскрытая точка зрения» (Л. Я. Гинзбург) авторского сознания / сознания лирического героя формирует образ-переживание и событийность – суть эпической нарративности. Эпическая нарративность реализуется в поэме через *монолог* героя. Во всяком монологе есть элемент диалога: «принимаются во внимание соображения, предположения, оценки, принадлежащие не обладателю данного текста, но кому-то иному. В произносимом, тем более – записанном монологе диалогизм присутствует много более явно. Смысл всякого словесного художественного образа – текстового построения, соотносящего существующее с возможным, – содержится в самом этом соотношении, в его конкретной содержательной наполненности, и пополняется по мере того, как мы включаем этот образ во все более широкий контекст» [5, с. 143].

Речь героя в форме монолога сначала ориентирована *вовне* и рассчитана на слушателей. Адресатами в поэме являются отец лирического героя, друзья Цинна и Петроний, хозяин мулов. И герой-нарратор – «художественный двойник» поэта – в первых трех частях передает последовательность событий, происходящих в его жизни, впечатления, точку зрения, воспоминания. Сюжетообразующими в тексте поэмы являются как мотив «отцы – дети», обозначенный в первой строфе, так и *мотив своеволия* как проявление индивидуальности в экзистенциальной ситуации выбора жизненного пути. Образ отеческого дома, представленный в размышлении, – идиллия, в которой «книги и ладан, цветы и молитвы!» [4, с. 201] и от которой отталкивается лирический герой. С образом дома сопряжено признание идиллического/гармонического между духовным и осязаемым, религиозным и реально-бытовым. Проявление индивидуальности и личностное самоопределение связаны с попыткой героя пройти свой путь, построить собственную идиллию, с размышлениями о своем предназначении: «...я томлюсь по иному, / Пусть в мире есть слезы, но в мире есть битвы. / На то ли, отец, я родился и вырос, / Красивый, могучий и полный здоровья, / Чтоб счастье побед заменил мне твой клирос / И гул изумленной толпы – славословья» [Там же].

Затем, в последней части речь героя, условно говоря, «непроизнесенная», «интровертивна», обращена к самому себе и отражает *изменение внутреннего состояния блудного сына*. Такая внутренняя эволюция – от внешних событий жизни грешного сына, пожелавшего приумножить богатство отца (традиционно для целого ряда произведений древнерусской литературы), быть свободным, испытать счастье побед, к самоанализу и самооценке («Я вырос! Мой опыт мне дорого стоит, / Томили предчувствия, грызла потеря...») [Там же, с. 203] – свидетельство духовного возрождения, самосознания и взрослости. Переоценка ценностей и осознание своего падения подводят блудного сына к воспоминаниям об отчем доме и детстве, в которых моделируется мотив возвращения домой, приводят к покаянию («...Пойду и скажу ему: – Отче, / Я грешен пред Господом и пред тобою») [Там же, с. 202], «Пока я блуждал, то распутник, то нищий...» [Там же, с. 203]), принятию идиллии, угованной отцом. Возвращение блудного сына – робкое от осознания невыполненного предназначения («Я послан сюда был исправить пороки...») [Там же, с. 202]), своего прежнего заблуждения («Я вижу один лишь порок – неопрятность, / Одну добродетель – изящную скуку» [Там же]), грехопадения (парадигма греховности в поэме: танцовщицы, вино, праздность, друзья). Попытка построить собственную идиллию терпит крах.

Как в архетипическом сюжете, так и в лирическом сюжете Гумилева возникшее противоречие между волевой инициативой героя и ее результатом отражает *судьбу* человека, в последнем случае судьбу в ее полутрагическом звучании, но предположительно (несмотря на сюжетную незавершенность) со счастливым

исходом. Путь блудного сына Н. Гумилева – это путь самобытной личности, отражающий личный духовный опыт, реализацию и одновременно не-реализацию личностного потенциала.

Природа греха евангельского блудного сына связана с духовным падением и фактическим отречением от отца. Проявленные человеческие качества героя повлияли на стратегию жизненного поведения и повлекли за собой череду дурных поступков, в которых взяли верх простые биологические потребности человека над потребностями социальными и духовными. Но в итоге потерянное достоинство сына оказалось важнее материальных благ, полученных в наследство. Достоинство, заключенное в мысли, раскрывшееся в отношениях с природой и обществом, состоящее в познании мира, в самой способности мыслить, анализировать, было ему возвращено не только через покаяние («Отче! Я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим»), но и благодаря кротости и смирению Бога-Отца, противопоставленные эгоизму, блуду и праздности сына.

Природа греха «блудного сына» Гумилева несколько иная: заблуждения философствующего героя отражают наивность молодости, огромные амбициозные желания («я буду князем во имя Господне...» [Там же, с. 201]), которые вступают в противоречие с жизненными реалиями и приводят к признанию и принятию отцовского варианта жизни. Нереализованность или реализованность внутренних возможностей человека – тот вопрос, который, скорее всего, волновал в тот момент самого автора, путешественника, много странствующего по миру (Франция, Италия, Африка) и долго ожидавшего своего личного счастья. Незаконченная история блудного сына, которого ждут отец, сестра и невеста («отец... Что скажу, что отвечу, / Иль снова блуждать мне без мысли и цели? / Узнал... догадался... идет мне навстречу... / И праздник, и эта невеста... не мне ли?!») [2, с. 203] – отчасти автобиографическая и автопсихологическая история. Так автор идентифицировал себя с общечеловеческим блудным сыном.

Таким образом, смысл евангельского мифа о блудном сыне, выступающий как духовное содержание и некая онтологическая данность, разворачивается и в первоначальном тексте, и в тексте, созданном художником слова, интерпретатором/экспериментатором в одном лице, ибо последний принадлежит «не только и не столько текущему историческому моменту, сколько всей человеческой культуре как вневременному единству» [8, с. 14]. Справедливо отмечают Н. Т. Рымарь и В. П. Скобелев, что многоуровневый, многосторонний диалог, бесконечно идущий внутри произведения искусства, составляет главный смысл творчества и вычитывается читателем в структуре произведения, вне которой он просто не существует [Там же, с. 149]. В нашем случае речь идет и о диалоге межтекстовом.

Раскрываясь, первоначальный смысл порождает новые смыслы, потенциально заключенные и свернутые в сюжете-архетипе. Символы и события «договаривают» друг друга. Философский смысл притчи, отвечая на запросы времени, проявляясь в новых сюжетных моделях, «потенциально бесконечен, но актуализироваться он может, лишь соприкоснувшись с другим (чужим) смыслом, хотя бы с вопросом во внутренней речи понимающего» [1, с. 350]. Необходимость «текстуального диалогизма» как постоянного, снова и снова возникающего «вечного» спора-конфестации художника слова с предшествующей культурной традицией вытекает из актуализации общего смысла и актуальных смыслов своего времени и автобиографии.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. 423 с.
2. Бройтман С. Н. Историческая поэтика. М., 2001. 420 с.
3. Гинзбург Л. Я. Пушкин и реалистический метод в лирике // Русская литература. 1962. № 1. С. 27-37.
4. Гумилев Н. Стихотворения и поэмы / вступ. ст. Н. Н. Скатова. М.: Современник, 1989. 461 с.
5. Зарецкий В. А. О взаимодействии смыслопорождения и образотворчества в литературном произведении // Проблемы диалогизма словесного искусства. Стерлитамак, 2007. С. 143-145.
6. Малых В. С. Творчество Николая Гумилева: вузовский и школьный аспекты изучения: научно-учебное пособие. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 100 с.
7. Путилов Б. Н. Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору: сб. статей в память В. Я. Проппа. М., 1975. С. 141-155.
8. Рымарь Н. Т., Скобелев В. П. Теория автора и проблема художественной деятельности. Воронеж: Логос-Траст, 1994. 262 с.

INTERTEXT DIALOGUE IN N. S. GUMILEV'S POEM "PRODIGAL SON"

Rad' El'za Anisovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Bashkir State University (Branch) in Sterlitamak
elza_rad@mail.ru

In the article the analysis of N. S. Gumilev's work "Prodigal Son" showing the author's rethinking of the content potential of the famous evangelic parable is given. In the dialogue of the poem with the parable text the plot and some characters were transformed. Newsworthiness is illustrated by the open consciousness of the lyrical hero, who is an autobiographic and autopsychologic one. "Textual dialogism" is the writer's argument with previous cultural traditions and the actualization of new senses.

Key words and phrases: intertext dialogue; author's consciousness; motif; invariant; topical plot.